Олег Ридман

Большая рыба

Олег Родимин

Большая рыба

«Автор»
2026

Родимин О.

Большая рыба / О. Родимин — «Автор», 2026

В Камышевске живётся неплохо. Завод работает, рыба в водохранилище не переводится, на набережной гуляют люди, а местные любят пошутить о гигантском соме, который будто бы обитает где-то на глубине.Говорят, городу просто повезло.Но когда Андрей берётся помочь Марине разобраться в загадочной смерти её отца, привычная жизнь Камышевска начинает давать трещины. Старые письма, странные разговоры и чужие секреты приводят его к истории, которую здесь предпочитают не вспоминать.У каждого города есть свои легенды. Только некоторые из них оказываются правдой.И за благополучие Камышевска, возможно, приходится платить гораздо большую цену, чем кто-либо готов признать.

© Родимин О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Олег Родимин
Большая рыба

Глава 1

В то воскресенье я проснулся от солнца. Оно просочилось сквозь занавеску и легло мне на лицо — тёплое, ленивое: так оно ложится на лицо только в детстве и по воскресеньям. Внизу шкворчала сковородка, по лестнице поднимался запах сырников и свежесваренного кофе, и я позволил себе полежать ещё минуту, ни о чём не думая. Это единственное, в чём я по-настоящему силён.

Дом у нас в частном секторе, в десяти минутах ходьбы от набережной: двухэтажный, невысокий, с покатой крышей и скрипучей деревянной лестницей, на которой вторая ступенька всегда выдаёт тех, кто крадётся ночью на кухню. Внизу кухня, гостиная и родительская спальня, наверху моя комната и ещё одна, нежилая, где живёт всякий нужный хлам. Дом старый, но ухоженный и уютный так, как бывает уютно только там, где ничего не покупали ради вида.

Вокруг него газон, яблони, вишня у забора, пара ровных грядок с помидорами и картошкой и маленькая теплица, которую мама считает своей личной ответственностью. Из кухонного окна, если встать у холодильника и податься чуть влево, между вишней и соседской крышей видна полоска воды. Отец уверяет, что это лучший вид в городе. Он всегда садится так, чтобы эту полоску видеть, и никогда не говорит почему.

— Встал, — сказала мама, не оборачиваясь от плиты. — А я думаю: будить или пусть ещё поспит? Садись, Андрюшенька, пока горячие.

Мама у меня маленькая, круглолицая, в фартуке с подсолнухами. Она двигается по кухне так, будто танцует давно заученный танец, и ни разу не заденет ни одной кастрюли. Она поставила передо мной тарелку, потрепала по затылку — как в десять лет, — и я, как в десять лет, сделал вид, что мне неловко.

Отец сидел у окна. В воскресенье, как и в будни, он был выбрит и в чистой рубашке; я не припомню, чтобы хоть раз видел его в майке. Он читал «Камышевский рыбак», держа газету на вытянутой руке: очки лежали в нагрудном кармане, а признавать, что они ему нужны, он не собирался. Лицо у отца было такое, какое бывает у хороших часов: ничего лишнего, всё на своём месте, и невозможно понять, что у них внутри.

— Доброе утро, пап.

— Доброе. — Кивок, не поднимая глаз. И после паузы, всё так же в газету: — Ростовским ты когда звонишь?

— В среду.

— Договор?

— Обсуждаем.

— Обсуждаем, — повторил отец.

Он не упрекал. Он просто положил моё слово на стол и посмотрел на него. Это он умеет лучше всех: повторить то, что ты сказал, так, что сам слышишь, какое оно тонкое.

— Витя, — мягко сказала мама. — Дай ребёнку позавтракать.

— Ребёнку тридцать один.

— Вот именно. Ещё и не завтракал.

Я работаю на заводе, в отделе оптовых продаж. Если по-простому: езжу, звоню, угощаю, улыбаюсь, уговариваю оптовые базы, магазины и рыночных перекупщиков брать нашу рыбу. Толстолобика горячего копчения, балык, пресервы, консервы, сазана холодного копчения — у

нас всё хорошее, честное слово. В девяностые рыба была почти валютой: когда соседние заводы стояли и ржавели, а рабочим выдавали зарплату продукцией, наш не останавливался ни на день. Продавать такую рыбу нетрудно, и поэтому я иногда чувствую себя человеком, которого посадили на велосипед на вершине горки, а теперь хвалят за скорость.

Но работа не плохая. Я неплох в разговорах и неплох в том, чтобы никого не обидеть, а для переговоров это то что надо. С ростовскими мы уже несколько недель согласовывали условия поставок. Дело шло к договору, оставались последние детали, и отец, как обычно, считал, что радоваться пока нечему.

На шкафу в моей комнате стоит коробка с диктофоном. Когда-то я ходил по городу и записывал рассказы стариков для районной газеты — про станицу, про затопление, про то, как здесь было до моря. Вышло четыре заметки, три из них прочитала мама. До газеты был видеопрокат на углу, до видеопроката — ларёк с аудиокассетами, и каждый раз я бросал на одном и том же месте: когда надо было переходить от интересного к трудному.

Я не считаю себя неудачником. Просто знаю, что отец иногда так считает, а мама никогда не скажет вслух, — и не знаю, что из этого хуже.

— Кстати, — сказала мама, подкладывая мне ещё два сырника, которых я не просил. — Лидочка через два дома про тебя спрашивала. Дочка её, Оля, помнишь? Учительница. Хорошая девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.